

В московском Музее современного искусства в рамках европейской акции «Весна музеев» — новая выставка Вячеслава Колейчука, «волшебника виртуального города», как однажды назвала его наша газета. Человека, который не перестает удивлять посетителей выставочных залов Старого и Нового Света

У меня это удивление началось много лет назад, когда он, будучи студентом Московского архитектурного института (теперь он там профессор), вместе с однокурсником Юрием Смоляровым изобрел и запатентовал принципиально новый класс конструкций. Эти вантово-стержневые или самонапряженные конструкции сейчас широко применяются и в самораскрывающихся антеннах в космосе, и в самовозводящихся строениях на Земле. Вячеслав Колейчук изобрел их практически одновременно с известным американским архитектором Б. Фуллером. Кстати, за самонапряженную компо-

Леся Ивкин написал в «Комсомольской правде»: тот, кто это делает, может считать себя гением. Колейчук это сделал. А по поводу «гения» весело посмеялся и — пошел дальше.

Из досье

Они еще свое не отзвучали —
Те десять сфер! Мерцают
хрустальем,
Они уступят скепсису
едва ли —
Их пенью мы внимать
не устаем.
Они твоим твореньям
передали
Свой импульс! Вот колдуешь
за столом —

Вячеслав Колейчук демонстрирует овалойд в своей мастерской

ГОЛОГРАФИЧЕСКАЯ МУЗЫКА: КОНЦЕРТ ДЛЯ СКРИПКИ И ОВАЛОИДА

Заметки
с выставки
«Пространство
эксперимента
Вячеслава
Колейчука»

А еще
он изобрел
новый вид
изобразительного
искусства
и сделал
треугольник
с тремя
прямыми углами

зицию «Парус» на площади Наций в Новой олимпийской деревне Колейчук в 2000 году удостоен Государственной премии России.

Годы спустя Вячеслав совершил экстравагантный, донкихотский по нынешним понятиям поступок, опровергнув свое и Фуллера первооткрытие: обнаружил, но не замолчал, а напротив, обнаружил тот факт, что первым вантово-стержневые конструкции открыл, оказывается, еще в 20-е годы XX века забытый ныне российский конструктивист Карл Иогансон.

Потом, после института, был целый каскад открытий. Была стоящая нить, которая неизвестно каким способом преодолевает земное притяжение и сама тянется вертикально вверх, да еще и удерживает навешенные на нее железки или деревяшки. Были так называемые невозможные объекты, например треугольник Пенроуза с тремя прямыми углами. Их можно нарисовать на бумаге, но невозможно построить в пространстве. Помню,

И в небеса уходят вертикали:
Твой дух магнитом вечности
влеком.
Любуюсь я твоей стоящей
нитью —
Она меня связует прямо
с Богом:
Да, я реально с ним соединен —
Как мне не верить вещему
наитию?
О, будущность! Ты стал
ее прологом,
Ты архитектор или космогон?
(Юрий Линник, философ и
поэт из Петрозаводска. «Вячеслав Колейчук. Венок сонетов».)

Дальше было управление изображением на расстоянии. Любимый мегаполис мира перенасыщен зрительной информацией (рекламы, дорожные знаки и т.п.). Большая часть из них создает изнуряющий человека психологический дискомфорт. Колейчук изобрел способ так построить рекламу, что ты увидишь ее именно с того расстояния, когда она начнет «работать».

Вершиной его фантастических экспериментов стало открытие рукотворной голо-

графии (сам он дал новоруженной имя светостереография) — нового, четвертого после живописи, графики и скульптуры вида изобразительного искусства. Перед вами — большой вращающийся диск. На нем три стакана, трудноотличимые один от другого. При вращении вы рассматриваете их со всех сторон. Но только один из них стеклянный. Два же другие... Протягиваете к ним руку — и ничего, только штрихи на поверхности диска. Голографическое изображение, но рожденное не сложной физической аппаратурой, а человеком, наносящим эти самые штрихи на металлическую плоскость особым способом.

Это поразило не только толпы «непосвященных» посетителей Третьяковской галереи, которая бесплатно — что нынче величайшая редкость — предоставила Колейчуку залы для демонстрации своего открытия, но и такого искусного исследователя пространственных закономерностей в искусстве, каким был один из первооснователей отечественной космонавтики и один из последних энциклопедистов минувшего тысячелетия академик Борис Раушенбах.

Первооснование нового вида искусства. Да, это вершина. Казалось бы, о чем еще можно мечтать человеку? Предел мечтаний. А он усмехнулся и — пошел дальше.

На последней выставке я услышал импровизированный концерт для скрипки и овалойда. Солисты — студентка Московской консерватории Варвара Тишина и Вячеслав Колейчук, изобретатель этого самого овалойда — металлозвукосинтезатора, создающего невероятную, однако очевидную иллюзию глубины звукового пространства, недоступную сегодня ни одной стереоустановке в

самоповторяюсь — можно было бы сделать арт-карьеру. Но Колейчуку важно провести лишь первый штрих. Пусть дорисовывают другие, если хватит разума. Так Хлебников читал стихи, внезапно обрывая их словами: «И так далее». Так, собственно, — единой, первой чертой — и работает Колейчук. (Михаил Соколов, доктор искусствоведения. «Новая газета», 8–14 сентября 1997 г.)

В вышеприведенном отрывке из давней публикации нашей газеты неслучайно упомянут сценарист. И к ней в своем первооткрывательстве прикоснулся Колейчук. Георгий Даниеля пригласил Вячеслава участвовать в фильме «Кин-дза-дза». Там вы можете увидеть фантастические конструкции, рожденные его воображением. А потом Константин Райкин пригласил его в театр «Сатириконт» для создания звуковой и изобразительной сценографии к спектаклю «Превращение» по Ф. Кафке.

Да и сама мастерская Колейчука в трюмном мостике московского подвала чем-то напоминает павильон для съемок фильмов о пришельцах. Но знаете, меня в этой комнате чудес, как и на его выставках, всегда почему-то посещала одна светло-печальная мысль, если уж по Пушкину. Как это часто случается при встрече с чем-то единственным в своем роде, за пределами таланта, в принципе, тревожило: а будет ли продолжение в поколениях после нас, будет ли эстафета?

Когда-то в мастерской Колейчука я впервые увидел его крохотную дочку Анечку. И вот она уже Анна Вячеславовна. И вместе с отцом, но самостоятельно демонстрирует свои проекты. Один из них — «Тотальный театр В. Колейчука». Что это такое?

невозможные фигуры, и космические паруса, и растровые композиции — те самые, что связаны с дистанционным управлением изображениями.

Пластический театр был и до этого и даже в таких вариантах, как Театр пластической драмы Гедрюса Мацквичюса, поднимался до философских и художественных вершин. Цветомузыкальные пространственно-динамические композиции тоже были. Но здесь, в неожиданном своем союзе, они родили нечто неизвестное.

Покинув выставку, по пути к метро наткнулся на вывеску, характерную для нынешней столицы новых русских, подходящую для самовыражения многих явлений рыночной нашей действительности: «Общество с ограниченной ответственностью «Шуры-Муры-Кафе «Шуры-Муры».

Не хочу обижать само кафе. Внутри не был. Может, там кормят очень даже вкусно. Есть же на свете хороший фильм с легкомысленным названием «Ширли-Мирли». Но, проходя мимо этой вывески, вспомнил по аналогии выставочную композицию Анны Колейчук «Супрематическая трапеза. Памяти Казимира Малевича».

О, это было роскошное пиршество! На белом столе к реальным караваем хлеба насущного пригвождены «Черный квадрат» и «Белый крест». Рядом с вполне материальными пластмассовыми стаканчиками на тарелках и подносах — живописные комбинации разноцветных кубиков и параллелограммов — первоэлементов, из которых складывается сверженный Малевича. Прекрасно сервированный стол звал к утолению голода. Но не физиологического — того, о коем не нами и на века сказано: «Не хлебом единым...»

Эта вывеска и эта авангардистская «Трапеза» вдруг стол-

Конструктивистский костюм — проект Анны Колейчук и Ирины Анищенко

Знаете, в свое время Лев Термен, прозванный «советским Фаустом», заинтересовал Ленина терменвоксом, первым в мире электромузыкальным синтезатором: движение руки — и удаленный от нее инструмент начинает звучать и, словно по мановению дирижерской палочки, выводит классические мелодии.

Здесь нечто аналогичное: движения девушки в белом спортивном трико — и в ответ «звучит», видоизменяется, искривляется, переходит из одних форм в другие пространство вокруг человека. Слово по мановению ее рук, по влечению ее плавных телодвижений сменяют друг друга пространственные образы Вячеслава Колейчука — и знаменитые

кнулись в сознании. А потом, после соударения, разошлись по разным полюсам, подарив мне, может быть, самое важное впечатление от нынешней выставки: удивление, к чему я уже привык при встрече с новыми проектами Вячеслава Колейчука, сегодня неожиданно рождено было не только им самим, но и волею другого человека. Пусть кровно ему родного, но — другого. Так, может быть, возможно все-таки оно — нет, конечно, не повторение, но продолжение его неповторимости под вечным девизом донкихотов, мастеров, первооткрывателей всех времен и народов: «Не хлебом единым...»?

● Ким СМЕРНОВ